

ПУТЬ РОССИИ. СЛОВАРЬ АКАДЕМИИ РОССИЙСКОЙ И ИДЕОЛОГИЯ НАУКИ, КУЛЬТУРЫ, ОБРАЗОВАНИЯ В XVIII ВЕКЕ

Русские люди всегда исповедовали идеологию общего дела и долга, идеологию служения государству. И свою Родину они называли Отечеством — производным словом от отца, и еще точнее и любовнее — Отчиной-матерью, в одном понятии соединя самые святые для себя имена. Ведь недаром, по Далю, «славяне — отчизнолюбцы»¹.

1780—1790 гг. представляют собой тот кульминационный период в цивилизационном процессе XVIII века, ту ступень общественного развития, когда Россия укрепилась как держава: ее южные и северные границы стали достаточно стабильны. Россия занималась внутренним государственным строительством: вокруг столичных земель учреждались центральные губернии — с 1778 г. по 1796 г.: Калужская, Переяславль-Рязанская (с уездными городами Скопин, Егорьевск и др.), Ярославская, Астраханская, Витебская, Владимирская, Вологодская, Тамбовская и др. Обустройство каждой из них начинается с развертывания производств. В течение XVIII в. немало ученых направило верхам свои разработки по экономике. Например, выдающийся русский историк В.Н.Татищев (1686—1750) разработал проект передачи казенных медных рудников частновладельческой компании. «Надлежит на те заводы дать мастеров иноземцов и русских довольство такое, чтоб компания могла с пользою начатое дело произвести, а государственным промыслам остановки не учинилось. И за оных мастеров, за иноземцов вывозных, а за русских учебных, денег не требовать, но должны токмо получать оные жалованье от компании...». «Кабаки при заводе... чтоб во дни работные были заперты, а и в праздники в долг никому не давать и платье в заклад ни от кого не принимать». Спорные вопросы должно решать «сибирское высшее горное начальство», «недовольный может... бить челом в Берг-коллегии». Среди предложений относительно распределения прибыли: «10 в казну, одна на церковь, одна на школу, одна на лекарство и богадельню»².

Участвуя в развертывании производств, типографий, открытия гимназий, библиотек, семинарий, богоугодных заведений, губернатор сам должен был быть образованным человеком. Вот почему среди первых губернаторов-сподвижников Екатерины II были Яков Сиверс, Алексей Мельгунов, Гавриил

¹ Быть России в благоденствии и славе. — М.: Пашков дом, 2002. С. 8.

² Татищев В.Н. Проект об условиях передачи казенных медных рудников на Урале частновладельческой компании // Быть России... С. 35—37.

Державин, Михаил Кречетников, И. Захаров, т.е. те, кто состоял при Академии наук, был ученым, привлекался к написанию Словаря Академии Российской, т.е. составлял научную и культурную элиту русского общества. Академия, университеты стали готовить не просто образованных людей — образованных государственных деятелей.

1780—1790 гг. — это та ступень общественного развития, когда в обществе не было равнодушия к образованию, правде и нравственному добру, когда «умственная жизнь не иссякала в своих благороднейших источниках»³. Таким источником стала впоследствии освободительная миссия России по отношению к славянским странам в Европе. «Отчизнолюбие» в этот период стало основной поэтической темой од, баллад, сложенных народно-песенной культуры славян.

Среди нашей литературной элиты было немало людей государственного склада. Например, Денис Иванович Фонвизин (1745—1792) состоял в Иностранной коллегии при Н.И. Панине. Его перу принадлежит «Рассуждение о неперменных государственных законах». «Верховная власть вверяется государю для единого блага его подданных, — писал он. — Сию истину тираны знают, а добрые люди чувствуют... Просвещенный... монарх... сам тотчас ощутит, что власть делать зло... есть несовершенство... Все сияние престола есть пустой блеск, когда добродетель не сидит на нем вместе с государем... Государь, подобие Бога... не может равным образом ознаменовать ни могущества, ни достоинства своего иначе, как постановя в государстве свое правила непреложные, основанные на благе общем и которых не мог бы нарушить сам, не престав быть достойным государем... Без неперменных государственных законов не прочно ни состояние государства, ни состояние государя. Законы... выше себя ничего не терпят... Для отвращения погибели... государь должен знать... все права своего величества, дабы, первое, содержать их у своих подданных в почтении и, второе, чтобы самому не преступить пределов... Не может быть законна власть, которая ставит себя выше всех законов естественного правосудия. Просвещенный ум в государе представляет ему сие заключение... но просвещенный государь есть тем не больше человек... Он должен знать, что нация, жертвуя частью естественной своей вольности, вручила свое благо его попечению... Силою публичной власти, ему вверенной, может он жаловать почести и преимущества частным людям, но что самое нацию ничем пожаловать не может, ибо она дала ему все то, что он сам имеет»⁴. «Опыты всех веков показывают, что одно благонравие государя образует благонравие народа»⁵.

Не только государь, но и вельможи, его окружающие, делались предметом публицистических обсуждений. Среди составителей Словаря Академии Российской заметную роль играл историк Михаил Михайлович Щербатов (1733—1790), темой рассуждений которого была культура правления, нравственная жизнь общества. В своем «Письме к вельможам, правителям государства» он рисует портрет общества своего времени в очень резких тонах: «Вижу ныне вами народ утесненный, законы в ничтожность приведенные; имение и жизнь гражданскую в неподлинности», когда у страждущего даже отнята «смелость... жалобы приносить». Обращаясь к вельможам у трона, которые подчас оказываются истинными правителями в государстве, он пишет: «Не злобою я на вас дышу, не страстью какою побужден; истина и человеколюбие суть путеводители мои... Незнание самого объяснения вашей должности... страсти ваши ...

³ Татищев В.Н. Проект... С. 13.

⁴ Фонвизин Д.И. Рассуждение о неперменных государственных законах // Быть России... С. 61—67.

⁵ Там же. С. 71.

соделывают из вас не людей, но неких чудовищ, созданных на несчастье и на гибель ваших сограждан». Что есть вельможа? «Се есть... человек по роду ли своему, по достоинству ли, или по случаю возвышенный превыше других равных ему человеческих тварей, приближен к престолу царскому... с тем, чтобы способствовать тому, чтобы любили вашего государя, но вы его делаете ненавистным народу», — сокрушается автор. «Вы определены быть исполнителями законов», но, препоручая толкование законов секретарям, «в презрение приводите сами законы и жизнь, честь и имения граждан во всегдашней опасности становятся». «Вы говорите, что сие есть для скорейшего решения дел. Но все, что скоро, еще хорошим назваться не может. Природа сама нам представляет примеры: нужные тварям произрастания не наспех растут, но всему подлежит время и спелость, дабы совершенство свое получило». К тому же, по наблюдениям М.М.Щербатова, большая часть законов писана «на неупотребительном языке». М.М.Щербатов призывает к внимательному отношению к языку, где требуется много справок, сравнений, сличений.

«Как же скорохватные ваши решения... могут быть справедливыми?». В исполнении и понимании законов много и других нелепостей было. «Лучшие из вас, затвердя, как сороки, слово *милосердие*, не знаете, что оно знаменует, послабляете вящим преступлениям... Тит, император... пример милосердия в земных владыках, обливался слезами при подписании смертной кому казни, но ее подписывал, когда необходимо то правосудие требовало». Другие «не знают сего правила, долженствующего быть начертанного в сердцах правителей: ... беззакония сопротивляются милосердию и вооружаются против него. Слабости человечеством извиняются, беззакония изверством самим извиниться не могут». Нельзя «давать прощение или усугублять самую строгость закона, являя себя... несмышленными похитителями вышней власти» или «злодеями, приличнейшими быть палачами, нежели правителями государства». Все это до того доводит народ, что он «впадает в онемение», видя разрушенные законы. «А все сие или от вашего неразумия, или от желания быть выше законов... Вы... становитесь дурными пастухами бессловесных скотов»⁶. «Так повреждаются вами нравы в государстве», — делает вывод М.М.Щербатов в этом «Письме» и в сочинении «О повреждении нравов в России»⁷.

Однако настоящая пора просвещения пришла с царствованием Екатерины II. В «Записке о древней и новой России в ее политическом и гражданском отношениях» Н.М.Карамзин (1766—1826) пишет: «Главное дело сей незабвенной монархини состоит в том, что ею смягчилось самодержавие... Екатерина не требовала от россиян ничего противного их совести и гражданским навыкам, стараясь единственно возвеличить данное ей Небом Отечество или славу свою — победами, законодательством, просвещением»⁸.

Одним из сильнейших ее просвещенческих актов было создание Академии Российской и работа совместно с Е.Р.Дашковой над Словарем Академии Российской. Кроме Словаря, целый ряд просвещенческих общекультурных деяний — изучение русского языка, издание журналов и книг на русском языке, устройство учебных заведений, даже сама любовь к языку страны ее правления сделало *русскую идею* осязаемой в ряде мероприятий ее царствования. «Твердая, непреклонная в намерениях, объявленных ею, будучи единственною душою всех государственных движений в России, не выпуская власти из собственных рук, — без казни, без пыток влияв в сердца министров, полководцев, всех государственных чиновников

⁶ Щербатов М.М. Письмо к вельможам, правителям государства // Быть России... С. 73—82.

⁷ Там же. С. 84—141.

⁸ Карамзин Н.М. Записка о древней и новой России в ее политическом и гражданском отношениях // Быть России... С. 160.

живейший страх сделаться ей неудобным и пламенное усердие заслуживать у ее милость». «Петр удивил Европу своими победами — Екатерина приучила ее к нашим победам»⁹, — писал Н.М.Карамзин.

«Многие вредные следствия Петровой системы также яснее открылись при сей государыне: чужеземцы овладели у нас воспитанием, двор забыл язык русский; от излишних успехов европейской роскоши дворянство одолжало... сыновья бояр наших рассыпались по чужим землям тратить деньги и время для приобретения французской или английской наружности. У нас были академии, высшие училища, народные школы, умные министры, приятные светские люди, герои, прекрасное войско, знаменитый флот и великая монархия, — не было хорошего воспитания, твердых правил и нравственности в гражданской жизни... Вельможа не стыдился быть развратным... Торговали правдою и чинами». Впрочем, великий историк как бы останавливает здесь сам себя: «Мы более осуждали, нежели хвалили Екатерину, от привычки к добру уже не чувствуя всей цены оного и тем сильнее чувствуя противное: доброе казалось нам естественным, необходимым следствием порядка вещей, а не личной Екатериной мудрости...». И гордо заключает: «По крайней мере, сравнивая все известные нам времена России, едва ли не всякий из нас скажет, что время Екатерины было счастливейшее для гражданина российского; едва ли не всякий из нас пожелал жить тогда, а не в иное время»¹⁰.

Но нельзя не сказать, что все, что «открылось» после Петровской эпохи, осталось бы в том же виде, если бы в эпоху Екатерины не появилось общества, общественного мнения, если бы в центре общества не стала сама Екатерина II. Нравственность и воспитание стали строжайшими проблемами в деятельности таких государственных людей, как Е.Р.Дашкова, образование набирало силу волей таких деятелей, как И.Н.Болтин, И.Л.Голенищев-Кутузов, А.И.Мусин-Пушкин. Путь России как державы определился.

Г.А.Богатова

⁹ Карамзин Н.М. Записка о древней и новой России... С. 160.

¹⁰ Там же. С. 162.